

Драма пастырского служения в раннем СССР: опыт микроистории

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга реконструируется дело о преследовании в СССР протестантского пастора пролетарского происхождения Р.Г. Раудмунда из Ленинградской области. Предмет исследования – индивидуальный случай, который изучается на основе «следов и улик», обнаруженных автором в ходе работы с архивным фондом адвоката немецкого происхождения М.К. Штакельберга в ОР РНБ. В статье скрупулезно рассматривается движение «дела пастора Р.Г. Раудмунда», выявляются индивидуальные особенности его жизни и основные претензии советской власти к нему. Уделяется внимание нравственным устоям пастырского служения как феномену, показан драматический исход дела пастора. Данный казус протестантского пастора в конце 20-х – середине 30-х годов XX в. в условиях массовых религиозных гонений в СССР обрел черты повторяемости и отчасти типичности, что заставляет вопреки К. Гинзбургу признать ценность и потенциал микроистории не только в плане «индивидуального и уникального», но и в связи с повторяемостью, регулярностью, множественностью. Однако статус индивидуального в общем потоке религиозных гонений в раннем СССР в рамках данного казуса существовал: репрессиям подвергся пастор пролетарского происхождения, с большой симпатией относившийся к Октябрьской революции 1917 г. и советской власти, но отказавшийся от пастырства, которое является важным аспектом жизни Церкви.

Ключевые слова: «уликовая парадигма» в микроистории, ее потенциал, преследование протестантских пасторов в СССР, Р.Г. Раудмунд, М.К. Штакельберг, пастырское служение

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Драма пастырского служения в раннем СССР: опыт микроистории // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 169–180. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-169-180

The drama of pastoral ministry in the early USSR. Experience of microhistory

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,
ranw@mail.ru*

Abstract. The article, based on the “evidential paradigm” of K. Ginzburg, reconstructs the case of persecution of the Protestant pastor of proletarian origin, R.G. Raudmund, from the Leningrad region. The subject of the research is an individual case, which is considered on basis of the “traces and evidence” discovered by the author while working with the archival fund of the lawyer of German origin, M.K. Stackelberg, in OR RNL. The article deals with the court procedure stages of “the case of Pastor R.G. Raudmund”, reveals the peculiarities of his life and the main claims of the Soviet government against him. The paper focuses on the moral foundations of pastoral ministry as a phenomenon and shows the dramatic outcome of the pastoral work. This case has become recurrent in the late 20s – mid 30s of the 20th century in the conditions of the mass religious persecution in the USSR. These facts make it possible to contradict K. Ginzburg and recognize the value and potential of microhistory not only from the point of view of something “individual and unique”, but also due to much-recurring repetition, regularity and multiplicity. However, within the framework of this incident, the individual status in the general flow of religious persecution in the early USSR did exist: the one who became subjected to the repressions was the pastor of the most proletarian origin with great sympathy for the October Revolution of 1917 and the Soviet regime, but who refused to renounce his ministry, which is an important aspect of the Church life.

Keywords: “evidence paradigm” in microhistory, microhistory potential, persecution of Protestant pastors in the USSR, R.G. Raudmund, M.K. Stackelberg, pastoral ministry

For citation: Rostislavleva, N.V. (2024), “The drama of pastoral ministry in the early USSR. Experience of microhistory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 169–180, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-169-180

Введение

Атеизм был принципом восторжествовавшего в СССР марксистского учения, которое само содержало отчасти религиозно-подобные вызовы: вера в неотвратимость свершения социалистической революции и наступления коммунизма сравнима с верой во

второе пришествие Христа. Возможно поэтому параллельно с созданием нового государства начался процесс религиозных гонений, который несколько ослаб в годы Великой Отечественной войны. Однако и в послесталинское время существовали серьезные препятствия для активизации деятельности церкви как социального института [Миллер 2022, с. 17–18].

Протестантизм начиная с XVIII в. был одним из самых распространенных вероучений немецкого населения Российской империи и жителей Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний Прибалтийского края. В Российской империи относились к протестантам довольно терпимо, в значительной мере это объяснялось как тем, что протестантизм сформировался как оппозиция католицизму, так и принадлежностью российских императриц до их перехода в православие к лютеранству [Дённингхаус 2004, с. 116, 127].

73% немецкого населения Российской империи составляли лютеране и рассматривать историю российских немцев в отрыве от их религиозных взглядов некорректно [Лиценбергер 2003, с. 9]. В годы Первой мировой войны пасторы евангелическо-лютеранской церкви подверглись серьезным репрессиям [Лиценбергер 2003, с. 179–207; Феномен гражданского плена 2023, с. 262], которые во многом были связаны с резко возросшей в российском обществе германофобией. Лютеранских пасторов немецкого происхождения обвиняли в шпионаже, высылали во внутренние и отдаленные районы Российской империи, при этом нередко противопоставляли им пасторов эстонского и латвийского происхождения¹. Среди на шумевших дел – дело пастора Вальтера, который вместе с женой и соратниками активно занимался благотворительностью, но был обвинен в шпионаже, предан суду и приговорен к реальному сроку². Деятельность пастора была квалифицирована как антирусский и антигосударственный заговор [Ростиславлева 2024, с. 271–272]. Февральская революция 1917 г. резко снизила накал репрессий на пасторов. Пользуясь общей неразберихой и декларируемыми Временным правительством свободами, российские протестанты сумели даже относительно достойно отметить четырехсотлетний юбилей Реформации 31 октября 1917 г.³

¹ РГИА. Ф. 828. Оп. 11. Д. 36. Л. 175–178.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 212, 1915. Д. 739. Л. 10–27; Ф. 124. Оп. 69. Д. 707. Л. 3, 35.

³ РГИА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 106. Л. 116–127; *Luthers Erbe in Russland. Ein Gedenkbuch in Anlass der Feier des 400-jährigen Reformationsfestes der evangelischen Gemeinden in Russland* / Hrsg. Th. Meyer. Moskau, 1918.

По советской Конституции 1918 г. гражданам гарантировалась свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Конституция СССР 1924 г. уже не содержала раздела об основных правах и обязанностях граждан, это вопрос регулировался конституциями союзных республик. В Конституции РСФСР 1925 г. свобода совести гарантировалась [Туманов 2011, с. 15–19]. Если в годы Первой мировой войны преследованием подвергались в основном протестантские служители культа немецкого происхождения, то в постреволюционное время значение этнического фактора снизилось. Однако в раннем СССР религиозные гонения довольно быстро стали распространенной практикой, поскольку христианское благочестие не просто отвлекало от революционного порыва и строительства нового общества, но и формировало иные социальные модели поведения. 23 января 1918 г. был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Церковь как социальный институт, как отмечалось, с начала 20-х гг. XX в. выступала серьезным конкурентом в формировании нравственных устоев молодого советского государства. Гонениям на православных священников и разрушению православных храмов в первые годы советской власти посвящены довольно обширная литература [Головкова, Хайлова 2012] и издания мемуарного характера⁴. Не стало исключением преследование и представителей других существовавших в России вероучений и религий [Головкова, Хайлова 2012; Смирнова 2004]. Численность лютеранских пасторов с 1918 до 1921 г. снизилась более чем в 2 раза – с 209 до 82 чел. С 1920 по 1923 г. 32 пастора отказались от служения, половина из них покинула РСФСР в 1920 г. [Лиценбергер 2003, с. 272–277]. Однако были и другие истории, когда отдельные протестантские священнослужители сочетали верность христианству с воодушевлением перед пролетарскими ценностями и начали нести пасторскую службу уже в период советской власти.

В данной статье будет рассмотрен сюжет, связанный с преследованием в Ленинградской области протестантского пастора Рудольфа Генриховича Раудмунда. Этот сюжет изучен в рамках методологии Карло Гинзбурга – крупнейшего историка современности, специалиста по микроистории, ценившего в истории как казусы сами по себе, так и с точки зрения тех перспективных вопросов, которые они вызывают. В главе книги К. Гинзбурга «Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история», которая называется

---

⁴ Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о Церкви, о времени и о себе. М., 2023. С. 24–26, 67, 475.

«Приметы. Уликовая парадигма и ее корни», автор размышляет о методе научного познания, который отличается от количественных или социологических приемов, поскольку последние не всегда позволяют исследователю в полной мере уловить элементы социальной и политической среды (Стаф 2006, с. 3). Задача историка, по мнению К. Гинзбурга, – сохранить события жизни человека, пострадаленные сериальностью и архитипичностью. Микроисторические штудии К. Гинзбурга – это прежде всего реконструкция, а не конструкция. Историк опирается только на добытые им факты индивидуальных случаев и не предпринимает концептуальные исследования. Он замечает: «Даже если реальность непрозрачна, существуют привилегированные участки – приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [Гинзбург 2004, с. 224].

Типичное vs нетипичное

Объектом данного расследования является личная история, в чем-то не совсем типичная, которая будет дешифрована и реконструирована на основе документов личного фонда адвоката Максима Карловича Штакельберга⁵. Фонд был обнаружен случайно в отделе рукописей РНБ, когда автор вел поиск документов по истории российских немцев. Максим Карлович Штакельберг происходил из известного прибалтийского баронского рода. В 1920–1930-е гг. являлся членом Ленинградской областной коллегии защитников. Материалы фонда прежде всего связаны со служебной деятельностью адвоката. Они поступили в Отдел рукописей из Резервного фонда в 1937 г. В фонде содержатся документы 1881–1932 гг. Автор настоящей статьи – первый исследователь, который заказал документы из этого фонда. Судя по дате поступления материалов – 1937 г. – скорее всего, фондообразователь был репрессирован в годы Большого террора, но пока подтверждающих документов не найдено.

В фонде М.К. Штакельберга отложилось «Дело пастора Р.Г. Раудмунда», защитником которого выступал фондообразователь. Сложно точно оценить, насколько типичен источник фактов, но скорее нетипичен для того времени, поскольку нечасто священнослужители успевали обратиться к адвокатам, которые оказывали им реальную поддержку и делали все, чтобы спасти их от наказания. Удалось установить, что семья Рудольфа Генриховича Раудмунда происходила из Эстонии, также были найдены

⁵ ОР РНБ. Ф. 869: М.К. Штакельберг.

документы 1920 г. об оптации эстонцев, в перечне которых фигурирует фамилия Раудмунд⁶, но это вытекает и из материалов фонда М.К. Штакельберга в ОР РНБ. Пастор Р.Г. Раудмунд определял свое происхождение как пролетарское⁷. В течение 18 лет он был народным учителем, а последние пять лет занимался еще и пастырским служением, поскольку религиозные убеждения заставили его быть священнослужителем евангелическо-лютеранской церкви Вошковского прихода Полновского района Лужского округа Ленинградской области.

Документы, связанные с делом Раудмунда, попали в упомянутый выше фонд, поскольку к Штакельбергу как к адвокату обратилась жена пастора Мария Карловна с просьбой составить прошение о помиловании на имя М.И. Калинина, также она принесла ему выписку из протокола коллегии ОГПУ от 28 ноября 1927 г., согласно которой Рудольф Раудмунд был заточен в лагерь на Соловках сроком на пять лет. Выбор защитника, по всей вероятности, был неслучаен, так как его немецкое происхождение позволяет предполагать определенную лояльность Штакельберга к евангелическо-лютеранской церкви.

Пастор был арестован 15 июня 1926 г., все это время содержался в доме заключения (ДОМЗАКе) в Гдове, ему инкриминировали статьи 58.10 (шпионаж) и 58.6 (участие в организации, причиняющей явный ущерб диктатуре пролетариата и пролетарской революции) УК РСФСР. Его обвиняли в том, что он укрывал в 1922 г. некоего Кяхрика, ставшего позже то ли бандитом, то ли шпионом, а также то, что составлял заявления от имени эстонцев Гвозденской и части Узминской волостей, у которых якобы была какая-то организация. Раудмунд связь с этой организацией отрицал. Все это было изложено адвокатом в заявлении на апелляцию прокурору Ленинградской области Лужского округа Полновского района⁸.

Советское следствие рассматривало дело пастора в рамках статьи 58.15 (пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии) и 58.18 (измышление и распространение ложных слухов или непроверенных сведений), а осудили его по статьям 58.10 (шпионаж) и 58.6 (участие в организации, причиняющей явный ущерб диктатуре пролетариата и пролетарской революции). Но главное, на что указала жена пастора: следовательно предложил ему отказаться от пасторского звания и от веры, опубликовать это сообщение в газете и тогда его выпустят. Женщина так и сообщала,

⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 21. Л. 415.

⁷ ОР РНБ. Ф. 869. Оп. 13. Л. 106.

⁸ Там же. Оп. 11. Л. 1.

что муж под влиянием своей совести и по религиозным убеждениям мог бы отказаться от пасторского сана, но от своей веры и религиозных убеждений нет⁹. Прокуратура не ответила на запрос адвоката Штакельберга, по крайней мере в фонде он не обнаружен.

В документах фонда есть письмо самого Раудмунда, которое было каким-то образом передано адвокату. Видимо, это случилось, когда пастор во время пересылки короткое время находился в Ленинграде. Раудмунд писал, что он не совершал никакого преступного деяния против советской власти ни словом, ни делом, подчеркивая, что в его лице хотели осквернить личность служителя религии¹⁰. Пастор в течение пяти месяцев ждал пересмотра своего дела и полагал, что будет оправдан, так как считал, что он невиновен. Вера Раудмунда в пролетарские идеалы, еще один нетипичный штрих религиозных гонений.

У пастора была большая семья: жена и шестеро детей. После его ареста жена должна была сама выполнять все полевые и хозяйственные работы. Он так описывал ее страдания: «Слезы были ей наградой и утешением за то, что семейство мое было выселено из церковного дома на улицу: надо было найти выход. Милиция не ждала. Срок прошел, и квартира была вычищена, вещи выброшены. Потаскилась жена к добрым людям умолять их, чтобы взяли детей на время в свой дом, а сама определилась в хлеву с животными. Не успела бедняжка опомниться от этого удара потребовали дополнительный налог 90 рублей за 1926/27 г., и она собрала остатки денег 45 руб.»¹¹. Бедствия семьи были для него невыносимы, он писал: «Меня нисколько не волнует мысль, что я безвинно страдаю лично, я беспокоюсь только о моем семействе»¹². Также думал он о своей пастве, о верующих гражданах, полагая, что если его не выпустят, то место пастора должен занять другой проповедник. Раудмунд описал в письме эту ситуацию пронзительно и сверхэмоционально: «Я снимаю с себя ответственность перед верующими, они должны знать, что не от меня зависит закрытие их молелен. Они ждали меня в течение пяти месяцев, терпя нужду духовного наставления и пищи. Далее они ждать не должны. Или я приду, или голодная смерть пастыря докажет им мою готовность служить до конца верно и непоколебимо данному обету...»¹³. В этом сверхэмоциональном отрывке пастор пролетарского происхождения сформулировал

---

⁹ Там же. Оп. 10. Л. 2об.

¹⁰ Там же. Оп. 12. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2–2об.

суть пастырства и пастырского служения как явления религиозной практики. В литературе пастырство определяется как процесс «созидания человеческих душ, заключающийся в заботе и попечении о духовном состоянии каждого члена Церкви, донесении Божественной истины с любовью и опекой» [Епископ Серафим (Амельченков) 2021, с. 21].

Пастор Раудмунд стремился добиться оправдания, подчеркивал, что его смерть от голода оправдывает его перед советской властью и добавлял: «Остаюсь верный своему христианскому долгу любви к Богу и людям. Я прощаю всем моим врагам и желаю всем только добра. Да укрепит Господь Бог меня и благословит Вас в своих убеждениях. Я всегда был сторонником советской власти»¹⁴.

Тему верности идеалам советской власти Раудмунд поднимал в объяснениях, которые давал следователям. «Моя вина могла быть только в том, что на основании той свободы совести и исповедания, разрешенной советской властью, изучая церковную жизнь, находил ошибки и ненормальности, навязанные временами царизма, стремился к реформированию основ и убеждений недопустимых в истинной Христианской церкви и не согласующихся с учением Иисуса Христа. <...> Начал проповедовать ту истину, которую дарил нам Христос... и... увы! Осужден как противник советской власти»¹⁵.

Адвокат посоветовал пастору получить поручительство двух членов ВКП(б), также в деле есть заверение его лояльности, полученное от некоей Эльвиры Восмэн¹⁶, однако все усилия оказались тщетными. Пастор был осужден. Он с горечью отмечал: «Между тем как следователь ОГПУ неоднократно делал мне предложения оставить пастырскую должность, опубликовать об этом в газете, обещая меня сразу выпустить на волю»¹⁷.

Почему Раудмунд был осужден по таким жестким статьям? На церковном съезде верующих граждан Евангелическо-лютеранской церкви в 1925 г. в Ленинграде (состоявшемся с разрешения Советской власти) было постановлено: ввести в приходах регистрацию верующих граждан, принадлежащих к Евангелическо-лютеранской церкви, выдавая им членские карточки. Рудольф Раудмунд напечатал в соответствии с численностью прихода 3000 карточек в типографии «Красной газеты» и стал проводить в жизнь регистрацию с 1926 г. с согласия самих верующих. В этой деятельности пастора

---

¹⁴ Там же. Л. 2об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Оп. 10. Л. 2.

¹⁷ Там же. Оп. 13. Л. 2.

ОГПУ усмотрело признаки создания организации, угрожающей диктатуре пролетариата. Что касается шпионажа, то таким образом был интерпретирован сбор сведений, необходимых для составления годичного отчета и анкет (о рождении, крещении, конфирмации, венчании, разводе, причащении и смерти и т. п.) верующих граждан. Пастор оправдывался: он не собирал иных сведений и переписки никакой не вел¹⁸. Для отбытия наказания, как уже отмечалось, Раудмунд был отправлен на Соловки, а апелляции его защитника Штакельберга не принесла положительного результата. После освобождения Раудмунда, в 1931 г., семья пастора переехала на Кубань. В 1938 г. пастор и его жена были расстреляны и реабилитированы в 1961 г. по приговору 1938 г. и в 2002 г. состоялась реабилитация Раудмунда по приговору 1927 г.¹⁹

Заключение

Сочетание пастырского служения и веры в справедливость советской власти – довольно нечастое явление, что позволяет разглядеть определенную псевдорелигиозность марксистских идей, убеждающих в неотвратимости гибели капиталистического мира. 8 апреля 1929 г. было принято постановление «О религиозных объединениях», которое способствовало вытеснению религиозных проблем из социально-политического дискурса. Вторая половина 1930-х гг. – время массовых репрессий против духовенства, в том числе и протестантского. В 1936 г. прекратились службы в лютеранском соборе Петра и Павла в Москве, были расстреляны его настоятели. Протестантское богослужение не исчезло, но переместилось в частную жизнь [Kahle 1985]. Гибель пастора и его жены не стали случайностью, скорее их судьба – подтверждение жестоких репрессий в отношении духовенства, что заставляет вопреки К. Гинзбургу признать ценность и потенциал микроистории не только в плане «индивидуального и уникального», но и в связи с повторяемостью, регулярностью, множественностью. Статус индивидуального в рассмотренном казусе существовал: нетипичным для большинства служителей культа была вера пастора в идеалы советской власти, которую он принял, но которая не приняла его и подвергла жестоким рестрикциям.

---

¹⁸ Там же. Л. 10б.

¹⁹ Жертвы политического террора в СССР: Раудмунд Рудольф Генрихович. URL: <https://lists.memo.ru/index17.htm> (дата обращения 23 марта 2023).

Литература

- Гинзбург 2004 – *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 348 с.
- Головкова, Хайлова 2012 – *Головкова Л., Хайлова О.* Пострадавшие за веру и Церковь Христову: 1917–1937. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 656 с.
- Дённингхаус 2004 – *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 502 с.
- Епископ Серафим (Амельченков) 2021 – *Епископ Серафим (Амельченков).* Пастырское служение в Польше и России священномученика Серафима (Остроумова), архиепископа Смоленского. М.: Издат. дом «Познание», 2021. 431 с.
- Лиценбергер 2003 – *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 543 с.
- Миллер 2022 – *Миллер М.Л.* Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 10–25.
- Ростиславлева 2024 – *Ростиславлева Н.В.* Протестантское служение в годы Первой мировой войны: шпионаж vs христианское благочестие // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2024. Вып. 86. С. 266–273.
- Смирнова 2004 – *Смирнова Т.М.* Положение церкви национальных меньшинств Петербурга и Ленинградской области в 1920–1930-е гг. // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения: 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 233–259.
- Стаф 2006 – *Стаф И.* Карло Гинзбург, или Уличенная история [Рец.]: *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история / Пер. с ит. и послесл. С. Козлова. М.: Новое изд-во, 2004 // Отечественные записки. № 2 (29), 2006. С. 351–355.
- Туманов 2011 – *Туманов Д.Ю.* Конституционное регулирование свободы совести в советском государстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 4 (14). С. 15–19.
- Феномен гражданского плена 2023 – *Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны / Под ред. Н.В. Ростиславлевой, А. Бауэркемпера.* М.: РГГУ, 2023. 481 с.
- Kahle 1985 – *Kahle W.* Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938–1940. Gütersloh, 1985. 279 S.

References

- Bishop Seraphim (Amelchenkov), (2021), *Pastyrskoye sluzhenie v Pol'she i Rossii svyashchennomuchenika Serafima (Ostroumova), arkhiepiskopa Smolenskogo* [Pastoral ministry in Poland and Russia of the Hieromartyr Seraphim (Ostroumov), Archbishop of Smolensk], Poznanie, Moscow, Russia.
- Denninghaus, V. (2004), *Nemtsy v obshchestvennoi zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Germans in the public life of Moscow: symbiosis and conflict (1494–1941)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ginzburg, K. (2004), *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths, emblems, signs. Morphology and history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Golovkova, L. and Khailova, O. *Postradavshie za veru i Tserkov' Khristovu: 1917–1937* [Those who suffered for the faith and the Church of Christ. 1917–1937], PSTGU, Moscow, Russia.
- Kahle, W. (1985), *Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938–1940*. Gütersloh, Germany.
- Litzenberger, O.A. (2003), *Evangelicheskoye lyuteranskaya tserkov' v rossiiskoi istorii (XVI–XX vv.)* [Evangelical Lutheran Church in Russian history (16th–20th)], Fond “Luteranskoe nasledie”, Minsk, Belarus.
- Miller, M.L. (2022), “Paul B. Anderson and the 1956 delegation of US church leaders to Moscow”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 10–25.
- Rostislavleva, N.V. and Bauerkämper, A., eds. (2023), *Fenomen grazhdanskogo plena v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The phenomenon of civil captivity in Russia and Germany during the First World War], RGGU, Moscow, Russia.
- Rostislavleva, N.V. (2024), “Protestant ministry during the First World War. Espionage vs Christian piety”, *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*, vol. 86, pp. 266–273.
- Smirnova, T.M. (2004), “The situation of the church of national minorities in St. Petersburg and the Leningrad region in the 1920s – 1930s.”, in: *Etnografiya Peterburga – Leningrada: tridsat' let izucheniya: 1974–2004* [Ethnography of St. Petersburg – Leningrad. Thirty years of study. 1974–2004], MAE RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 233–259.
- Staff, I. (2006), “Carlo Ginzburg, or The exposed story, [Book review:] Ginzburg K. Myths – emblems – signs. Morphology and history, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004”, *Otechestvennye zapiski*, vol. 29, no. 2, pp. 351–353.
- Tumanov, D.Yu. (2011), “Constitutional regulation of freedom of conscience in the Soviet state”, *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, vol. 14, no. 4, pp. 15–19.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru
ORCID ID: 0000000177848390

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ranw@mail.ru
ORCID ID: 0000000177848390